

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОГРАНИЧЬЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЯХ

Акцентируется внимание на идее о том, что взаимодействие между пространством как объектом и пространством как субъектом региональных отношений имеет диалектическую взаимосвязь, которая закладывается в процессе структурирования региональной системы, определяя логику преобразования внешних условий (геополитики, истории, экономики) в модели восприятия и действия, осуществляемые на уровне групповых и индивидуальных практик.

Ключевые слова: субъект, объект, пограничье, региональная система, социальная структура, коммуникационная среда,

Коч С.В. Функціональні можливості пограниччя в дослідницьких стратегіях

Акцентовується увага на ідеї про те, що взаємодія між простором як об'єктом і простором як суб'єктом регіональних відносин має діалектичну взаємозв'язок, яка закладається в процесі структуривання регіональної системи, визначаючи логіку перетворення зовнішніх умов (геополітики, історії, економіки) в моделі сприйняття і дії, здійснені на рівні групових та індивідуальних практик.

Ключові слова: суб'єкт, об'єкт, прикордонні, регіональна система, соціальна структура, комунікаційна середу,

Koch Svetlana. The Functional Abilities of the Borderland in the Reserch Strategies

The attention of the article is focused on the idea, that interaction between the space as an object and the space as a subject of regional relations has dialectical relationship, which is formed by the process of structuring regional system, determining the logic of conversion of the inside conditions (geopolitics, history, economy) into the models of perception and activity, realized on the levels of group and individual practices.

Key words: subject, object, borderland, regional system, social structure, communicational environment.

Социальные функции границы и пограничья в силу природы самого пространства и особенностей социально-культурной среды – вызывают исследовательский интерес, который продиктован с одной стороны желанием выявить устойчивый алгоритм в процессе формирования и жизнедеятельности подобных пространств, с другой потребностями различных «центров» в создании адекватной системы управления и контроля.

Тем не менее, само «пограничье» обладает потенциалом субъекта отношений как в системе центр-периферийных отношений, так и в системе социальных транснациональных сетевых структур современного глобализованного мира. Особенно это касается устойчивых пограничных локальных систем с ярко-выраженными характеристиками политической и культурной периферийностью.

Анализ взаимодействия между пространством как объектом и пространством как субъектом региональных отношений, опирается на значи-

тельный пласт исследовательских концептов и приемов, синтез которых позволяет представить процесс структурирования пограничья как объемный, многовекторный процесс развития региона.

Большинство исследований «пограничья», осуществляемые в контекстах национальных (*украинском, белорусском, молдавском, российском, европейском...*) или групповых (*этнических, культурных, профессиональных, социальных*) пространств, имеют целью формирование *стратегий и политики* в интересах существующих «центров» и групп, которые осознают себя субъектами действия по отношению к локусу, пространству, региону. Такие исследования традиционно сочетают анализ социального пространства с географическим и культурным где эти пространства являются объектом социально-политического или политико-экономического воздействия, как у К. Хаусховера¹ или Ш. Эйзенштадта². Точкой отсчета в этих случаях выступает собственно «граница», которая рассматривается как «область», «линия», «точка», «район», «зона» перехода между средами и пространствами с качественно и количественно различными свойствами и параметрами.

Осознание и «признание» границы, обычно происходит одновременно с формированием «образа пространства», пределом которого она выступает. Поэтому «образы» границ и «пограничья», выступают как самостоятельный объект изучения, причем предметом анализа становятся как процесс и закономерности формирования «образов», так и их функционирование пределах определенных территориальных и ментальных пространств, в определенные эпохи, в рамках локальных групп.

Жан Готтман, французский урбанист, для анализа представлений сообществ самоорганизующихся пространств, использовал понятие «иконография» как систему символов, образов, публичных действий – всего, что демонстрирует групповую солидарность и создает «границу локальности»³.

В науке сложилось целое направление «образной географии», «география представлений» или имагинальной географии, которое изучает закономерности формирования и организации географических образов, их структуры и специфики. В работах Дмитрия Замятина, которого считают одним из основоположников этого направления, представлен анализ механизмов репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ и пограничья⁴.

Большинство исследовательских стратегий исходят из рассмотрения «пограничья», как специфического пространства, которое испытывает воздействие со стороны разных игроков: центральной и региональной властей, населяющих групп, транснациональных систем и др. Так, «социальная инфраструктура», как результат взаимодействия различных локальных культурных групп и их приоритетов, представлена в работах Р. Брубейкера⁵, О. Бредникова и Е. Чекидзе⁶, А. Кросби⁷, Э. Лозаннского⁸ и других. По словам редактора британского журнала «Локальный историк»⁹ Алана Кросби изучая локальность приходится учитывать явление «цепной реакции» (chain reaction), когда, то что произошло за тысячу миль, может объяснить частный, интересующий нас случай. Поэтому локальность

может рассматриваться только при условии существования национального / глобального. В то же время, по его мнению, локальная история – это не национальная история «разбитая на части», а напротив, «локальный опыт» – это образующая составляющая национального опыта.

Рассмотрение пространства как уникальной среды, как объекта социальных процессов объясняет наличие «глокальной биографии», которая по словам социолога и политического философа Ульриха Бека позволяет «группе» противопоставлять себя глобальному человечеству¹⁰. Пространство как «место» в котором реализована повседневная практика человека рассмотрено в работах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, А. Шюца и др.).

В контексте конструирования социальных систем в регионе пограничья, интересным представляется изучение практик (визуальных, поведенческих, коммуникационных), позволяющих локальным сообществам маркировать места памяти, социальные пространства, формировать локальный хронотоп. Изучение пространства образов, которое дает возможность концептуализировать группу в пространстве региона опирается на исследования Дмитрия Замятина¹¹, Анны Соловьевой¹², Габриэла Швитека¹³ и др. Подобные практики формируют «образ» пространства как рефлексивную систему, которая по определению Германа Люббе является носителем оригинальной идентичности¹⁴. Благодаря локальным историям, по Г. Люббе, системы приобретают свой индивидуальный характер, идентичность.

Рассмотрение процесса конструирования пограничья как «социальной инфраструктуры» предполагает кроме всего прочего и анализ организации «социального порядка», который в историографии представлен в контексте различных пространств (ландшафтов и времени) городов, мегаполисов, транзитных и пограничных систем. Например, работы: О. Бреского¹⁵, К. Кураковой¹⁶, А. Лефевра¹⁷, Н. Милерюса¹⁸ и др.

Значимым пластом в изучении «пограничья» стал анализ пограничной системы как «символической системы» самоструктурирующейся структуры, которая способна диктовать условия развития для участников или частей данной системы, то есть выступать не объектом, а субъектом социально-культурных отношений. Эта идея представлена как концепция «опыта пространства» для формирования личностной и культурной идентичности у Пьера Бурдьё¹⁹ Здесь реальность предопределяется сформированным конформизмом, «чувство социального мира», которое выступает в качестве символической власти в виде социального ресурса, традиционно закрепленного за группой. Место и роль субъекта в этом пространстве предопределяет экономический капитал, который может выступать в разных видах как культурный, социальный и символический капиталы.

Социальная действительность становится результатом конструирования как со стороны агентов, существующих объективно в результате распределения жизненных ресурсов (материальных, символических, информационных и др.), так и со стороны представлений людей о социальных структурах и окружающем мире в целом. Последние предопределяют, по П. Бурдьё, принцип «двойного структурирования», который реализуется в любом практическом действии между структурами и практиками первич-

ных и инкорпорированных структур. Социальные отношения, реализованные в «практических схемах» региона, обуславливают воспроизводство породивших их объективных структур в моделях социальной адаптации²⁰ и социокультурной презентации²¹.

Особенно активно процесс «двойного структурирования», как взаимо-активная тенденция влияния социальной структуры на поведение субъектов социальных отношений и конструирование социальной структуры со стороны участников региональных социальных отношений, происходит в пограничье.

Пограничье – феномен полисемантический, со сложной структурой многомерного соподчинения. Множественность социально-активных смысловых систем, которые функционируют в пограничном пространстве, предполлагают различные формы институционализации для субъектов социокультурных отношений. Формы институализации могут классифицироваться как пространственные: региональные, национальные, транснациональные; как социально-исторические или как виртуализированные.

Социальное пространство пограничья – конструированная социальная реальность, в которой символы «присутствия» и у власти – «центра» (национально-политические) и у локальных групп – «периферии», формируют иконографию, как в виде самоидентификационных знаков, так и в форме презентации желаемого смыслообразующего образа, который призван демонстрировать социальную дееспособность субъекта в регионе. Эти презентационные образы выполняют функции маркировки, «резервирования» части социального пространства за субъектом отношений. Конструируемые «символические системы» выполняют социальную и политическую функцию легитимации как в рамках существующих «иерархий» центр – периферийных отношений модерна, так и «сетей» в виде транснациональных систем постмодерна.

Действующая система пограничного пространства имеет в основе устоявшийся алгоритм поведения, который воссоздается участниками – действующими субъектами локального пространства, в формах адаптированных к собственным культурам.

1. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении / Хаусхофер К. // О геополитике. Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001. 2. *Эйзенштадт Ш.* Структура отношений центра и периферии в имперских и имперско-феодалных режимах / *Эйзенштадт Ш.* // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 176-180. 3. *Gottmann J.* The Political Partitioning of Our World: an Attempt at Analysis / *J. Gottmann* // *World Politics*. – 1952. – № 4. – Р. 512-5194. 4. *Замятин Д. Н.* Русские в центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ / *Д.Н. Замятин* // *Восток*. – 2002. – № 1. – С. 43 – 63; *Замятин Д.Н.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) / *Д.Н. Замятин* // *Полис*. – 1998. – № 6. – С. 35-46. 5. *Брубейкер Р.* «Диапоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европы и их отношения с родинками / *Р. Брубейкер* // *Диапоры*. – 2000. – № 3. – С. 6–32. 6. *Бредников О.* Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности / *О. Бредников, Е. Чекидзе* // *Конструирование этничности* / под ред. В. Воронкова и И. Освальд – СПб., 1998. – С. 227 – 259. 7. *Crosby A.* Editorial / *Crosby A.* // *The Local Historian*. – 2002. –

Vol.32. – No.2. May // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.balh.co.uk/publications/thl_volume32_cору\(2\)](http://www.balh.co.uk/publications/thl_volume32_cору(2)). Нтн **8. Лозаннский Э.Д.** Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке / Лозаннский Э.Д. – М., 2004. – 272 с.

9. The British Association for Local History // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.balh.co.uk

10. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Бек У. / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника; общ. ред. и послесловие А. Филиппова – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

11. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Замятин Д.Н. – М.: Аграф, 2004. – 512 с.; *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов / Замятин Д.Н. – М.: Знак, 2006. – 488 с.

12. Соловьева А. Модели концептуализации этнических субкультуры в глобальном/локальном контексте: дис. ... доктора философских наук / Соловьева А.Н. – М., 2009. – 319 с.

13. Швитек Г. За железными воротами: излишек памяти и забывание в современном городе / Г.Швитек // P.S. Ландшафты: оптики городских исследований: сборник научных трудов / отв. ред. Н.Милерюс, Б.Коуп. – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С. 63 – 83.

14. Люббе Г. Историческая идентичность / Г. Люббе / перевод Н. С. Плотникова // Вопросы философии. – 1994. – №4. – С. 108-113.

15. Бреский О., Адвилониене Ж. Локальность. К нормативным основаниям социального места и порядка / Л. Бреский, Ж. Адвилониене. – Вильнюс: ЕГУ, 2011. – 336 с.

16. Куракова К. Мегapolis XXI века никогда не остановится в росте / К. Куракова // Проект Россия. – 2003. – № 4. – С.21–24.

17. Lefebvre's Henri The Production of Space And do you know what «the wo rld» is to me. Donald Nicholson-Smith Blackwell, Oxford, 1991. – 454 p.

18. Милерюс Н. Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах / Н.Милерюс // P.S. Ландшафты: оптики городских исследований: Сборник научных трудов / отв. ред. Н.Милерюс, Б.Коуп. – Вильнюс: ЕГУ, 2008. – С. 37–63.

19. Бурдьё П. Начала. Choses dites. – М., 1994 // Социальное пространство и символическая власть. [Электронный ресурс] / Бурдьё П. – Режим доступа: <http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/hrest/burde.htm>; *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Бурдьё П. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2007. – С. 87-96.

20. Коч С.В. Социально-экономические модели адаптации этнических групп (на примере «старых» и «новых» диаспор юго-западного региона Украины) / С.В. Коч // Предупреждение насильственных конфликтов в мультикультурных сообществах и формирование культуры мира: сб.научн.трудов / ред. сост. М.А.Араджони, И.В.Брунова-Калисецкая / Крымское отделение Института востоковедения имени А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины. – К.: ЧП «Золоті Ворота», 2011. – С. 61–71.

21. Коч С.В. Механизм социальной презентации диаспор: этнические лобби и группы давления (на примере Одесской области) / С.В. Коч // Постфактум: історико – антропологічні студії. Етнічне, соціальне, політичне: перехрестя просторів. – Одеса, 2013. – № 3 – С. 31–46.

УДК 321.01

Ю. В. УЗУН

РЕФОРМУВАННЯ РЕГІОНАЛЬНОЇ ПОЛІТИКИ УКРАЇНИ В КОНТЕКСТІ ЄВРОПЕЙСЬКОГО ДОСВІДУ ДЕЦЕНТРАЛІЗАЦІЇ

Розглянуто проекти реформування адміністративно-територіального устрою України в контексті тенденцій розвитку консолідованої регіональної політики ЄС та

© УЗУН Юлія Вадимівна – кандидат політичних наук, доцент кафедри історії світової політики ІСН ОНУ